

Владимир БАСОВ:

...ТЕМ БОГАЧЕ ЗРИТЕЛЬ

БЕСЕДА с известным кинорежиссером и актером Владимиром Павловичем Басовым проходила после того, как он вернулся из букинистического магазина.

— Владимир Павлович, не считайте этот вопрос простым любопытством: какую книгу вы приобрели!

— «Константин Коровин вспоминает...». Оказывается, великолепный художник был еще и блестящим писателем. Его книгу я впервые прочитал года два назад, она натолкнула меня на мысль о фильме, о котором пока еще рано говорить. И вот сегодня я купил свой собственный экземпляр и надеюсь, что он потребует мне для работы.

— Вы, видимо, страстный библиофил. Не потому ли и в своем творчестве вы обращаетесь к произведениям литературы гораздо чаще, чем к специально написанным киносценариям?

— Если быть точным, все мои фильмы — экранизации. Только в одних случаях я переводил на киноязык «чистую литературу», а в других — литературный сценарий. Для меня сценарий — эмоциональный импульс, предлог к творчеству. Если он рождает мысль, рождает желание высказаться — значит, будет фильм. На мой взгляд, литературное произведение, как правило, богаче, глубже специально написанного сценария, герои книги полнокровнее, живее, осязаемее. Когда я решил снять одну из своих первых крупных картин, мне подготовили киносценарий по мотивам романа. И что же — в итоге я его отложил и сделал режиссерский сценарий непосредственно по литературному первоисточнику. С тех пор я решил больше не ходить столь долгим путем, а

обращаться прямо к подлиннику.

— Владимир Павлович, вы снимали «Школу мужества» Гайдара и «Щит и меч» Кожевникова, «Первые радости» и «Необыкновенное лето» по Федину и тургеневского «Нахлебника». Бондарев («Тишина»), Пристли («Опасный поворот»), Пушкин («Метель»), Николаева («Битва в пути») — авторы и произведения настолько разные, что...

— Что возникает вопрос, есть ли у меня своя тема в кинематографе? Не так ли?

— Не совсем. Но раз уж вы сами поставили вопрос...

— Да, я считаю, что у меня есть своя тема, более того, во всех моих фильмах действует один герой. У моего героя от картины к картине меняются возраст, темперамент, меняются века и страны, в которых он живет, жизнь ставит его каждый раз перед новой нравственной задачей, но одно неизменно — его моральное кредо, его этический кодекс. Возьмем Извекова — мягкий, интеллигентный, но нестигаемый человек, революционер. Тихий и вроде бы даже стеснительный разведчик из фильма «Щит и меч». Находясь в самом центре железного механизма тоталитарного нацистского государства, он остается верен себе, верен Родине. Даже тургеневский Кузовкин — персонаж далекой эпохи, дворянин, у которого ни кола, ни двора, — сколько лет и с каким достоинством он хранил как тайну тот факт, что мог превратить его из «нахлебника» в видную фигуру в доме! Да и Бурмин в «Метели»... Разве стойкость, нравственная сила — не главное его свойство?

— Да, Владимир Павлович тут помолчал. — Ох, уж эта «Метель»! Из-за нее мне пришлось выдержать целую

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

вається еще несделанная работа, несыгранная роль. Я мечтал сыграть Бендера. Более того, я даже пробовался на эту роль и прошел «все инстанции», кроме режиссера, который сказал мне: «Ты отлично сыграл бы старшего брата Бендера». В его трактовке великому комбинатору тридцать три, и ни годом больше, а для меня Бендер, как и Ходжа Насреддин, не имеет возраста.

— Но вам пришлось бы считаться с тем, что на экране уже «прописаны» два Бендера — С. Юрский и А. Гомишвили. Как говаривал Остап, от этого факта рукой не отмахнуться.

— Тем лучше — мне легче: познакомившись с двумя Остапами, зритель допустит и третьего, а я считаю, что может быть и четвертый, и пятый... Любая экранизация — версия, вариант прочтения.

— Кстати, Владимир Павлович, как актер вы играли на экране многих литературных героев. Интересно, не стеснялись ли ваше личное актерское чтение образа с видением режиссера, у которого вы снимались!

— Нет, я очень исполнительный актер и считаю, что артист — чем способнее, тем послушнее. Моя трактовка роли всегда со мной, и она непременно выльется где-то в подтексте, но как исполнителю мне интересно осуществить трактовку режиссера. И, кстати сказать, я от этого больше в выигрыше, потому что вижу образ не с одной, а уже с двух точек зрения, то есть полнее, детальнее.

— Вы часто снимались в собственных фильмах — «Щит и меч», «Опасный поворот»...

— Да, знаете, с годами является желание как можно больше делать самому. То, что хочешь сказать, становится все более и более личным, и как-то боязно передоверить это другим.

— И последний вопрос: как вы представляете будущее экранизации!

— Думаю, что телевидение освободит кинематограф от экранизаций. Телевидение с его многосерийностью, подробностью изображения и любовью к паузам, с его способностью «доставлять» произведение на дом, образно говоря, имеет врожденный талант к экранизации. Голубой экран — это та «зеленая лампа», тот камелек, у которого по вечерам собираются для семейного чтения...

критическую бурю. Каждый рецензент стремился доказать, что он владеет монополией на понимание Пушкина. Всякий из критиков «имел право» на свое глубоко личное прочтение повести и отказывал в этом праве мне. А после проката фильма я получил толстенную пачку писем: зрители приняли мою трактовку.

— Извините, Владимир Павлович, но мне ваша работа тоже показалась очень уж мелодраматической, а у Пушкина «счастливый конец» — это исключение, которое только подчеркивает всю трагичность правила.

— Вот видите, вас заинтересовала скрытая трагедия сюжета, а меня — герои. спрашивается, зачем Бурмин рассказал все Марье Гавриловне, ну кто его за язык тянул? Ведь свидетелей нет, а потом это действительно ошибка молодости, которую можно простить самому себе довольно легко. Но он все-таки признается, и вот тут-то Пушкин как бы говорит: за то, что вы внутренне честны, вот вам «счастливый конец», вернее, счастливое начало. И ведь действительно, промолчи Бурмин, не расскажи он об этом случае, Марья Гавриловна отвергла бы его предложение, видимо, тоже ничего ему не раскрыв, и они не были бы счастливы.

В общем, если бы сейчас я решил снова снимать «Метель», я сделал бы, пожалуй, точно такой же фильм. И это не упрямство, это просто мое прочтение. Кому-то оно нравится, кому-то нет, но ведь это-то и хорошо: чем больше непохожих трактовок, тем богаче зритель, он же читатель.

— Какая из ваших работ наиболее близка вам!

— Бывает так, что любимой оказы-

Вед интервью Е. СЕРГЕЕВ